

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ И БАРЬЕРЫ НЕПОНИМАНИЯ

Л.В. Шабанов (Томск)

Аннотация. Метафора часто становится причиной коммуникативных барьеров в области гуманитарных наук, превращаясь в адиафорическую игру слов.

Ключевые слова: коммуникативный барьер, метафора, модель, адиафора.

Начало III тысячелетия в научной среде России ознаменовалось становлением постсоветского поколения молодых ученых, что вызвало методологические трения между представителями «старой» (ориентированной на терминологическую коммуникацию) и «новой» (ориентированной на метафорическую коммуникацию) научных школ [1]. Конечно, говорить о банальном конфликте поколений в сфере методологических «отцов» и «детей» нельзя, т.к. нет жестких возрастных границ внутри этих двух лагерей. Но общая проблема категорий и понятий, как и проблема понимания и ответственности, порождает в области гуманитарных наук непрекращающиеся споры, которые можно было бы условно разделить на три направления:

1) в какой мере нужно использовать «точные» методы, повсеместное внедрение которых давно стало свершившимся фактом. Представители классической научной школы считают, что исследования возможны только по факту свершившегося феномена, даже опыт исследования формирования новых образований должен изучаться «по факту»;

2) склонность к исследованиям таких интимных сторон внутреннего мира личности, как любовь, вера, переживание и смысл жизни, т.е. неклассический подход, изучающий нечто прогрессивное, живое в процессе становления;

3) кроме классического и постклассического направлений, не просто существует, но и оформился как самостоятельный принцип постнеклассический метод научного исследования и анализа, обращенный к переходным фазам преобразования возможностей в действительность.

Помимо этого, за последние 30–35 лет разработаны новые методологии психологического исследования, позволяющие охарактеризовать то, как человек воспринимает и представляет мир, в котором он живет, в какой-то степени увидеть мир его глазами, отразить себя в мире и мир в себе [2, 3]. Однако конкретные результаты, полученные исследователями, остаются крайне разобщенными, а существующие теоретические подходы описывают либо «человека в мире», либо «мир в человеке». И сейчас в большей степени, чем пятьдесят лет назад, психолог «...напоминает строителя, стоящего перед грудой строительных материалов и готовых блоков, но не имеющего в голове эскиза будущего грандиозного здания» [4. С. 48].

Существующая на сегодняшний день несовместимость научных и методических подходов порождает, в частности, взаимное непонимание между психологами-исследователями и психологами-практиками, которые говорят на разных языках. Проблема социального самосознания и идентификации осознается в системе современного гуманитарного знания как одна из актуальнейших и является базовой в постановке и разрешении проблем межличностного, группового, межкультурного, межкультурного диалога, в том числе и диалога культур в пределах одного этнического сообщества.

Очень часто мы выходим на парадокс непонимания диалоговых коммуникаций именно в поле разных подходов, когда «страшно не то, что люди не понимают друг друга, а то что, при этом говорят они об одном и том же» (старинная немецкая пословица). В области психологии, которая до сих пор не преодолела статуса молодой науки, на наш взгляд, проблема заключается как раз в языке как понятийно-категориальном аппарате науки: очень часто мы сталкиваемся с явным дефицитом понятных или взаимноидентичных терминов, а также их замещением неким метафорическим языком. Ведь если мы возьмем за точку идентификации некое целое, то разрушим эту целостность на составляющие, относительно которых необходимо произвести идентификацию. Поэтому одной из важнейших составляющих самоидентификации, на наш взгляд, является сама метафоричность сознания человека и ее проявление в метафоре. Человек через метафору часто не просто самовыражается, но и идентифицирует себя с тем социумом, который склонен ожидать от этого человека именно такого метафоричного (непрямого) диалога, чтобы максимально неконфликтно фасилитировать его включение (или исключение) из собственной среды.

В современной психологии метафора интерпретируется не только как феномен языка, но и как феномен сознания, *повседневная концептуальная реальность*, когда мы думаем об одной сфере в терминах другой; как бы защищаясь от возможных противоречий, не смотрим на предмет прямо, но работаем с его подобием [5]. Помимо этого, существенные изменения претерпели представления о детерминизме как в живой, так и в неживой природе в связи с открытием и изучением так называемых бифуркационных процессов, характеризующих пороговое не-

устойчивое состояние какой-либо системы, в котором осуществляется ее переход в одно из множества допустимых устойчивых состояний, причем в какое именно – предсказать невозможно [6, 7]. Явление бифуркации открывает возможность непротиворечиво включить в научную картину мира специфически человеческий феномен свободы выбора, признав за ним не только субъективную, но и объективную реальность [8. С. 79]. Ведь даже в неживой природе детерминизм не имеет всеобщего характера, он дополняется случайностью; человек же, хоть и не может избежать детерминированности, в состоянии подчинить себе случайность [9].

Своеобразной «болезнью» современных гуманитарных наук становится подмена понятий, когда в качестве итога подобного действия мы получаем вместо метафоры (*перенос значения как образное сравнение*) адиафору (*безразличное или малозначительное слово, выражение*).

В данном контексте одной из центральных точек в поле исследования становится проблема своеобразия языкового метафорического миромоделирования, наиболее скрытого, но глубинного и базисного типа, и его соотношения с другими картинами мира. Сегодня внутри гуманитарно-ориентированных наук термин «картина мира» все больше и больше уходит от социального звучания к индивидуальному (личностному). Однако очень часто это особое личностное звучание остается не только оторванным от действительности, но и полностью нивелирует ее. Личность внутри социализации начинает искать свое коллективное «Я» – новое «социальное тело», но в атомизированном обществе чаще всего человек просто не может раскрыться или выйти на прямую открытую коммуникацию.

Таким образом, вместо формулы адекватной социализации (объект социального воздействия переходит в позицию активного субъекта) в транзитивном атомизированном обществе мы видим поиск социальности как некоей социальной субкультурной ниши, которая пока не сформулировалась и выделяется из общественного фона только по некоторым признакам.

Подобного рода «оторванность» возводит массу искусственных коммуникативных барьеров, и наша социализация как адекватное включение в общество подменяется включенностью индивида в некую аудиторию на основании суммы его потребностей и немотивированного (часто неосознанного, бессмысленного) потребления. Значит, такая постановка проблемы требует обращения к методологическим установкам когнитивной психологии. При достаточной методологической сложности различения в структуре психологических школ именно когнитивных концепций [10. С. 90–96] мы можем отметить, что когнитивная лингвистика интерпретирует «воплощенное» мышление, обусловленное телесным, перцептивным, мотор-

ным опытом человека. В интерпретации когнитивной лингвистики мышление предстает как образная система, огромные смысловые пространства которой не являются непосредственным отражением действительности, но представляют совокупность метафорических и метонимических образов.

На наш взгляд, базисностью метафорического моделирования смыслов в языке в целом, генетической первичностью в выстраивании семантики естественных языков (элементы мифологического мышления) можно объяснить то, что обширные, ключевые концептосферы человека моделируются через метафорические смысловые схемы. Б. Ли Уорф, выстраивая концепцию лингвистической относительности, подчеркивал роль метафоры в процессах языкового моделирования: средством объективации многих абстрактных категорий – длительности, интенсивности, направленности и др. – является нить рассуждений собеседника, но если их уровень слишком высок, внимание слушателя может рассеяться, потерять связь с их течением [11. С. 151]. «Метафорична сама мысль, она развивается через сравнение, и отсюда возникают метафоры в языке. Об этом важно помнить, если мы хотим совершенствовать теорию метафоры. Нашим методом должно стать пристальное наблюдение над умением мыслить» [12. С. 47].

Если в рамках когнитивистских теоретико-методологических установок возможна наиболее полная интерпретация метафоры, то для интерпретации подмены метафоры на адиафору, на наш взгляд, лучше обратиться к когнитивной лингвистике, которая формирует представление об «экологическом мышлении», оперирующем гештальтами. Мы получаем некоторое противоречие: с одной стороны, мы метафоричны и имеем постоянную потребность к творческому самовыражению через определенного рода коммуникативные формы, но с другой – нас преследует конкретный социальных страх, который выражается через комплекс «белой вороны». Происходит несколько видов коммуникативных нарушений: во-первых, нарушение совпадения с импульсами и частичного их торможения, необходимого в социуме; во-вторых, нарушение идентификации и систем связей, которые проявляются через дезорганизацию ориентиров идентификации и границ собственного «Я»; в-третьих, нарушение уверенности и структуры разделяемых представлений, сбой работы смысловой сферы и интерпретации [13. С. 6–7]. Именно это заставляет нас подменять полноценный диалог «косметическим» общением.

Получается явная фальсификация общения, когда мы не имеем ни цели, ни задач, ни проблемы, у нас есть немотивированная потребность общаться, потому что это принято, это необходимо, это модно. Любые метафоры внутри данного коммуникативного поля – это всего лишь дежурный набор слов, который необходимо произнести для уточнения сво-

его места в той или иной социальной нише. Позиция метафоры заменена на адиафору при попустительстве аудиторного большинства.

Принципиально иным способом интерпретируется и взаимоотношение мышления с языком. Язык рассматривается не как автономная система, а как способность, обусловленная общими когнитивными механизмами, как открытая система, свойства которой определяются общими процессами концептуализации, связанными с различными областями человеческого опыта; утверждается взаимозависимость, взаимовлияние разных уровней в процессе анализа человеком языковых сообщений. Метафора здесь становится ключом к пониманию основ мышления и процессов создания ментальных представлений о мире. Таким образом, метафора связана с логикой, с одной стороны, и мифологией – с другой.

Но что дает нам переход из республики метафор (а метафоры, пожалуй, самая демократичная часть языка) к диктатуре адиафор (тотальность которых закрывает и убивает язык)? Общество превращается в аудиторию, живущую по программе, общение переходит в контакт (в переводе с лат. *заражение*), педагогика – в клиентеллу (*послушание*), любовь – в консумацию (*потребляю*) и т.д. и т.п.

Интуитивное чувство сходства вроде бы похожих процессов играет огромную роль в практическом мышлении, определяющем поведение человека, и оно не может не отразиться в речи. К примеру, и американец, и англичанин, спрашивая вас: «How do you do?» – реально не интересуются вашими делами. Другой социально-антропологический пример: выражение «Make love» на русском не имеет высоких романтических интерпретаций; если француз Пьер Рулен смотрит в зеркало и видит свое отражение, то он считает, что *le miroir lui a renvoyé l'image de Pierre Roulin* (зеркало показало ему картину, изображающую Пьера Рулена). Или пример с оценочно-цветовой гаммой типа «красные чернила», когда мы можем интерпретировать фразу как нонсенс (разве может быть черное красным или красное черным?) или подойти с точки зрения более вероятного появления этого словосочетания (с точки зрения использования): чернила – красящая жидкость для письма, т.е. существительное, обозначающее вещество, которым пачкают белую бумагу (например, создают черновик статьи, а потом переписывают его набело); противоречие исчезает.

В практике жизни образное мышление позволяет человеку не только идентифицировать индивидуальные объекты (в частности, узнавать людей), не только устанавливать сходство между областями, воспринимаемыми разными органами чувств, и отражать его в речи (явление синестезии: холодный ветер и холодный взгляд), но и улавливать общность между конкретными и абстрактными объектами, материей и духом (человек идет, дождь идет, время идет, жизнь

идет). Влияние такого мировосприятия на характеристики воспринимаемых и осознаваемых нами ситуаций иллюстрирует пример, который приводит В.Н. Тростников: «Разве Ньютон видел то же самое, что и другие, созерцая сложную картину окружающего мира, когда с дерева упало яблоко? Ведь он, вероятно, видел в этот момент не только яблоко, но и часть поверхности другого тела – огромной Земли, в то время как другие в аналогичных случаях видели лишь яблоко и траву под яблоней» [13. С. 88].

Взаимосвязь личности и внешней по отношению к ней системы (среды) воздействий возникает только в процессе деятельности (творение мира вокруг себя). Являясь формой взаимосвязи субъекта с объектом, деятельность выступает как механизм детерминирующего воздействия на личность. А.Н. Леонтьев считает, что сами предметы способны приобретать качества побуждений, целей, орудий только в системе человеческой деятельности; изъятые из связей этой системы, они утрачивают свое существование как побуждения, как цели, как орудия [6].

С этой позиции даже неодушевленный предмет обретает чисто человеческие (личностно-значимые) качества: «Помнит лодка причал, а весло помнит воду реки. Помнит бумага перо, а перо помнит тепло руки. Стены и двери помнят людей, каждого в свой срок. Помнит дорога ушедших по ней. Помнит выстрел курок» (А. Макаревич, 1987). У стола появляются свои ожидания, потому что любой предмет, попадая в поле человеческого, приобретает и человеческие качества (Постулирующий метод К. Леви-Стросса). Если же я откажусь от своей проекции – видеть в некоем наборе разнокалиберных деревяшек стол, я выключу его из реальности, т.е. действительности нет (концепт методики В.Е. Ключко).

Естественная наука, становясь все более и более гуманистичной, говорит о необходимости аккуратного отношения к целостности, в то время как гуманитарные сферы, получается, забыли о том, что греки не только называли человека микрокосмосом, но и космос – макантропом.

Аналогии, основанные на ключевой метафоре, вводит в свою систему автор теории фреймов (сценарии, в контексте которых изучаются предметные и событийные объекты) М. Минский [14]. Такие аналогии позволяют увидеть предмет или идею «с качествами» другого предмета или идеи и применить знания и опыт, приобретенные в одной области, для решения других проблем. Метафора, по Минскому, способствует образованию непредсказуемых межфреймовых связей, обладающих большой эвристической силой.

Обратимся к некоторым аспектам эффективности метафор. Пьер Маранда в статье «Метаморфные метафоры» анализирует некоторые из них. Во-первых, в метафорах содержатся прагматические программы, которые навязывают адресату некоторые изменения

модели поведения. Он же отсылает нас к работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем»: если мы правы, предполагая, что наша концептуальная система преимущественно метафорична, тогда наш образ мыслей, переживания и повседневные действия в высокой степени определяются метафорой [4. С. 115]. Во-вторых, прагматика, в свою очередь, порождает метафоры. Метафоры имеют дело с прагматическим программированием, поскольку, говоря метафорически, горнилом для метафоры является прагматика. И наоборот, метафоры имеют обратную связь с прагматикой, т.к. имплицитуют действие.

В этих последних случаях человек не столько открывает сходство в пространственном и временном континууме, сколько создает его [15]. Метафоры возникают в любых видах дискурса, что связано прежде всего с особенностями сенсорных механизмов и их взаимодействием с психикой, позволяющим человеку сопоставлять, казалось бы, несопоставимые понятия. Развитие всегда начинается с творческого акта. В акте метафорического творчества участвуют всегда двое – создатель метафоры и его слушатель (партнёр по общению). Но что будет происходить и что происходит, когда слушателем выступает аудитория, а создателем метафоры – лидер влияния?

Из тезиса о внедренности метафоры в мышление была выведена новая оценка ее познавательной функции, ее суггестивность, ее моделирующая роль: метафора не только формирует представление об объекте, она также предопределяет способ и стиль мышления о нем. По когнитивной функции метафоры делятся на ключевые (базисные) и побочные (второстепенные). Ключевые метафоры, определяющие способ мышления о мире (картину мира) или о его фундаментальной части («Что наша жизнь? Комедия страстей, а наши радости – антракты в ней». В. Шекспир), ранее изучавшиеся преимущественно этнографами и культурологами, вошли в круг интересов специалистов по психологии мышления и методологии науки.

Однако XX в. явился, по образному определению С. Московичи, веком толп [16, 17], а закончилось III тысячелетие как «царство аудиторий», состоящих из недифференцированного большинства атомизированных, отчужденных друг от друга индивидов с крайне низкими интеллектуальными и морально-нравственными показателями (постулат Р. Мертона).

Аудитория всегда имеет средние когнитивные величины, влиять на такую массу не может ни интеллект (он непонятен большинству), ни эксперт (он слишком многого требует от организации «тела» большинства), только лидер-либерал (попуститель и популист), который подстраивается под большинство. Именно поэтому он и лидер. Что это значит? С появлением нового типа социального пространства появился новый лидер этого пространства, в его задачи не входят ни призывы к бунту, ни борьба с революциями, а только степень потребления и кредитности аудитории (и в первую очередь к нему самому). Если не почитать мудрецов, то в народе не будет ссор; если не ценить редких предметов, то не будет воров; если не показывать того, что может вызвать зависть, то не будут волноваться сердца. Поэтому, управляя, совершенномудрый делает сердца подданных пустыми, а желудки – полными. Его правление ослабляет волю и укрепляет кости. Оно постоянно стремится к тому, чтобы у народа не было знаний и страстей, а имеющиеся знания не могли бы действовать.

Так или иначе, метафоры продолжают использоваться в науке и обыденной жизни. Они отвечают способности человека улавливать и создавать сходство между, казалось бы, несхожими индивидами и объектами. Однако если метафора знаменует собой начало мыслительного процесса, обращение к личному опыту каждого и всей системе знаний о мире в целом, то адиафора наоборот, переводит мыслительный процесс в точку воспроизведения клише, личный опыт заменяет опытом популярного лицедея с его системой потребностей и картиной мира. На стыке новых межэтнических и интернациональных связей в науке именно метафора очень часто становится причиной коммуникативных барьеров внутри научной «диаспоры» (в переводе с гр. дословно *расеянное проживание*). В итоге мы получаем вместо метафоры адиафору, попадая в двоякость толкования между буквальной передачей текста и его контекстным содержанием. А это значит, что перед нами встает проблема качества человеческой деятельности в условиях ускользающей социальности, и в связи с этим отчуждением наука должна не путать буквальную коммуникацию с метафорической, превращая знаки в игру словами, а задуматься над перспективами общественного развития.

Литература

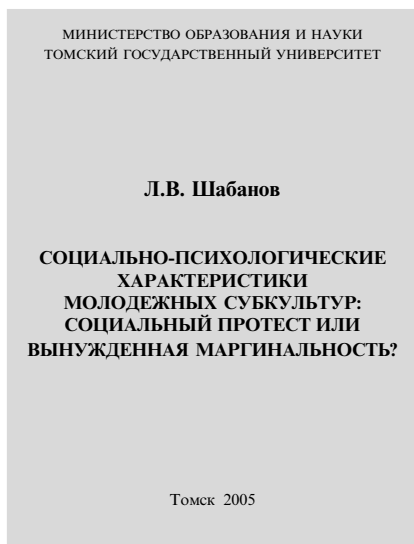
1. Кабрин В.И. Транскоммуникация и личностное развитие. Томск: Изд-во ТГУ, 1992. 256 с.
2. Артемьева Е.Ю. Психология субъективной семантики: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 1986. 498 с.
3. Тростников В.Н. Конструктивные процессы в математике (философский аспект). М., 1975. 255 с.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры: Сборник статей / Сост. Н.Д. Арутюнова. М., 1990.
5. Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности. М., 1987. 236 с.
6. Леонтьев Д.А. Личность: человек в мире и мир в человеке // Вопросы психологии. 1989. № 3. С. 11–13.
7. Минский М. <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le7/le7-3251.htm>

8. Ричардс А. Философия риторики // Теория метафоры: Сборник статей / Сост. Н.Д. Арутюнова. М., 1990. С. 44–68.
9. Леонтьев А.Н. Понятие отражения и его значение для психологии // Вопросы философии. 1966. № 12. С. 48–56.
10. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы: Учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001. 288 с.
11. Симонов П.В., Ершов П.М. Темперамент. Характер. Личность. М., 1984. 161 с.
12. Каэс Рэне. Теория психоанализа групп. М.: АСТ-Сатрель, 2005. 160 с.
13. Балл Г.А. Понятие адаптации и его значение для психологии личности // Вопросы психологии. 1989. № 1. С. 92–101.
14. Московичи С. Машина, делающая богов. М.: Изд-во ИП РАН «КСП+», 1998. 640 с.
15. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986. 431 с.
16. Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. М., 1987. 304 с.
17. Московичи С. Век толп. М.: Изд-во ИП РАН «КСП+», 1998. 480 с.
18. Лао Цзы. Дао Дэ Цзын. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.

METAPHORICAL MODELLING OF SOCIAL PSYCHOLOGY'S PROCESS AND HIM ADIAPHORICAL REFLECTION
L.V. Shabanov (Tomsk)

Summary. The metaphor frequently becomes the reason of communicative barriers inside humanitarian area of a science, we have faced with a problem of quality of human activity in conditions of an escaping sociality, alienation when metaphors turn adiphorous game by words.

Key words: communicative barrier, metaphor, model, adiphorous.

Шабанов Л.В. Социально-психологические характеристики молодежных субкультур: социальный протест или вынужденная маргинальность. – Томск: Томский государственный университет, 2005. – 399 с.

ISBN 5-7511-1213-X (2)

В монографии выявлены, изучены и описаны социально-психологические характеристики, которыми определяются молодежные неконформистские объединения (МНКО) и которые позволяют идентифицировать их как маргинальные образования в обществе. Проблема молодежных субкультур рассматривается с точки зрения концепции «вынужденной» маргинальности, когда возникновение МНКО объясняется тем, что общество само «подталкивает» молодых людей к объединению в подобные группировки. Такой взгляд позволил автору отойти от устаревших подходов (болезнь роста, конфликт поколений и т.д.) и перевести проблему в сложившееся коммуникативное пространство диалогического общения, как противовес существующему авторитарному стилю работы в сфере молодежной политики.